

Овруцкая Г. К.

ГЕНДЕРНЫЙ КОНФЛИКТ: МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/6-1/60.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 6 (13): в 2-х ч. Ч. I. С. 160-163. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

гуляний играл духовой оркестр и имелись различные развлечения (бильярд, кегельбан и др.), работали буфеты.

На общественную жизнь города большое влияние оказывала церковь, для подавляющего большинства населения - православная. Религиозно-бытовой регламент, касавшийся самых различных сторон жизни, был своего рода законом общественного и личного поведения людей.

Кроме религиозно-общественной жизни, порожденной самим культом, существовала другая ее сфера, связанная с религиозно-нравственным воспитанием народа. К примеру, по поводу празднования 6-го апреля 1885 г. В Пензе в честь тысячелетия со дня кончины Св. Мефодия, Первоучителя Славянского, Пензенская Городская Дума приняла следующее решение: «... принять меры к распространению в среде городских обывателей сведений о значении для славян Святых Кирилла и Мефодия посредством бесплатной раздачи жизнеописаний святителей воспитанникам городских приходских школ и народу. Кроме того, для каждой приходской школы приобрести изображения Свв. Кирилла и Мефодия, изданных на досках художником Миктышиным. ... На расходы по сему предмету ассигновать из городских сумм до 150 рублей» [ГАПО. Ф. 108. Д. 670. Л. 52, Л. 52. об.].

При этом, следует отметить, что существовали множество других форм общественной жизни провинциального города, не затронутых в данной статье.

Таким образом, рассмотрев основные проявления общественной жизни в эпоху Александра III, можно сделать вывод, что никакого террора в данный период не наблюдалось. Смысл и направления политики были совсем иными: неустанно, но лишь постепенно, шаг за шагом, без резких кренов и рывков преодолевать отсталость и несуразности. Внутренний курс России этого периода можно с полным правом обозначить как «спокойную политику». Никакого анабиоза социальной и культурной жизни в империи не наблюдалось.

Список литературы

ГАПО. Ф. 108.

ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6594. Л. 11, Л.11. ОБ., Л. 12, Л. 12. ОБ.

ГАПО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 105.; Ф. 116. Оп. 1. Д. 3. Л. 1 – 23.

ГАПО. Ф. 382. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 – 7.

ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5794. Л. 1.

ГАПО. Ф. 108. Д. 670. Л. 52, Л. 52. об.

Пензенские губернские ведомости. - 1882. - № 156 // ГАПО. Л. 2. об.

Пензенские губернские ведомости. - 1885. - № 249 // ГАПО. Л. 2.

Пензенские губернские ведомости. - 1882. - № 278 // ГАПО. Л. 2. об.

Боханов А. Н. Александр III. – М.: Русское слово, 2001.

Кабытова Н. Н. Власть и общество российской провинции до революции 1917 года. – М., 2002.

Миронов Б. Н. Социальная история России: В двух томах. – СПб.: Питер, 2003. - Том 2.

Пайпс Р. Россия при старом режиме. – СПб.: Питер, 2000.

Иванов Ф. Ю. Славянское движения XIX – XX вв. // Вопросы истории. - 2002. – № 5. - С. 165 – 168.

Нестеренко Е. Н. Коммуникационная специфика политической рекламы на примере избирательной кампании в Государственную Думу в Пензенской губернии 1907 г. // Государственная Дума Российской Империи: традиции прошлого и настоящее: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Пенза: И.и.д. ПГУ, 2006. – С. 189 – 193.

Тевлина В. В. Социальная работа в России в конце XIX – начале XX века. // Вопросы истории. - 2000. - № 3. – С. 116 – 124.

ГЕНДЕРНЫЙ КОНФЛИКТ: МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Овруцкая Г. К.

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Гендерная конфликтология относительно новое исследовательское направление, которое возникло как ответ на потребность, вызванную факторами социокультурного развития последних десятилетий, таких, например, как изменение социальных, политических, экономических функций женщин и мужчин в современном обществе; поиск путей к взаимопониманию, гармонии, гендерному балансу, формированию общества, лишённого различного видов дискриминации, угнетения и насилия.

Гендерный подход в науке в целом основан на идее приоритетности культурного и социального значения различий над биологическим между мужчинами и женщинами. «Гендер – совокупность социальных и культурных норм, которые в обществе посредством власти и доминирования предписывается выполнять людям в зависимости от их пола» [Бем 2004: 281]. В отношении определения сути феномена «гендерный конфликт» можно выделить несколько подходов.

Социально-психологический подход. Это наиболее распространенная позиция, в рамках которой гендерный конфликт рассматривается как взаимодействие или психологическое состояние, в основе которого лежит противоречивое восприятие гендерных ценностей, отношений, ролей, приводящее к столкновению интересов и целей. При этом подчеркивается определяющая роль традиционной, патриархатной системы норм и стереотипов общества в инициировании гендерных конфликтов, жертвами которых могут быть не только

женщины, но и мужчины. Некоторые авторы рассматривают гендерный конфликт как противоречие между подструктурами личности: «Я как индивидуальность – Я как представитель гендерной группы» [Закирова 2002]. В этом случае гендерный конфликт вызван противоречием между нормативными представлениями о чертах личности и особенностях поведения мужчин и женщин и невозможностью (нежеланием) личности соответствовать этим представлениям-требованиям. Представители иных подходов считают основой гендерного конфликта «вымысел о неполноценности женщины» [Клецина 2005] и концентрируют внимание на рассмотрении гендерного конфликта в семье через такие феномены разрушения семьи, как домашнее насилие и развод.

Основным источником гендерного конфликта, по мнению волонтеров Азербайджанского Информационного Гендерного Центра, является гендерный стереотип, касающийся закрепления семейных и профессиональных ролей в соответствии с полом, и, соответственно, предписывающий стандартные модели ролевого поведения мужчин и женщин. Волонтеры Центра отмечают, что, согласно народной мудрости, существует понятие «нормальной женщины». Это такая женщина, которая хочет выйти замуж и иметь детей, при этом все другие интересы, которые у нее могут быть, вторичны по отношению к этим семейным ролям.

Любой тип гендерной культуры, считает Н.И. Андреева, в чистом виде построен на доминировании одного пола над другим, что ведет к гендерному конфликту. В основе гендерного конфликта лежит половая дискриминация, колеблющаяся от скрытой «завуалированной» формы до открыто враждебной [Андреева 2003].

Юридический подход. Гендерный конфликт может быть рассмотрен с позиций права, когда общественные отношения регулируются правом (или подлежат такому регулированию). Драматург и прозаик Мария Арбатова полагает, что «борьба женщин за свои права актуальна да тех пор, пока эти права нарушены. На сегодня (интервью дано в середине 2004 г.) в стране они нарушены по всем статьям»: и по горизонтали, и по вертикали; также, женщины не защищены от насилия, неразвита контрацептивная культура и т.д. [Арбатова 2004].

Философский подход. В статье В. А. Лукова, В.Н. Кириллиной «Гендерный конфликт: система понятий» авторы пишут: гендерный конфликт – это тип социальной связи, основывающийся на природной симметрии Мужского и Женского начал, но нарушаемой в социокультурных практиках через утверждение социального неравенства на основании половой принадлежности [Луков, Кириллина 2005: 87]. Проследив взаимодействие женского и мужского начал, они подчеркнули, что на витальном уровне может быть собой симметрии. Это природное разграничение, необходимое для продолжения рода, является наиболее глубоким, онтологическое основание гендерного конфликта заключается в природном разграничении, необходимым для продолжения рода. И именно поэтому в логико-философском плане гендерный конфликт принципиально неразрешим [Там же: 89]. Разница между мужским и женским осознается не в биологическом, а социокультурном плане, как между репрессивной и нерепрессивной культурами. В то же время, сами атрибуты маскулинного и феминного следует, по мнению авторов, рассматривать лишь в плане философского расщепления единого на противоположности, а не как свидетельство реальных качеств мужчин и женщин. Таким образом, в рамках философского подхода к пониманию сути гендерного конфликта, «мужское» и «женское», как «мужчина» и «женщина», нераздельны, взаимно предполагают друг друга, т.е. суть единство противоположностей, находящихся в неразрывном социальном взаимодействии. Интересен тот факт, что с таким пониманием резонируют результаты исследований славянской культуры, представленные в работе М.М. Валенцовой «Оппозиция мужской / женский в славянской культуре». Автор пишет о том, что в материалах по народной культуре, в отличие от расхожих бытовых представлений о превосходстве (главенстве) мужского (или женского) начала, нет этого противопоставления по сути. Слово «противопоставление» в отношении мужского и женского автор берет в кавычки, подчеркивая, что это скорее не «противопоставление», а конкретизация сторон, объединение и слияние которых обладает «творческой силой», законченностью: «Именно соединение мужского и женского рождает жизнь, создает новое, которое не является простой суммой слагаемых» [Валенцова 2003].

Искусствоведческий подход. Как считает Л.Н. Цой, в российской конфликтологии существовала длительная монополия искусствоведения на конфликт, связанная как с идеологическими установками, так и самим фактом существования конфликта вокруг которого развивалось искусство (театр, кино, литература) [Цой 2001: 23]. «Как бы ни проявлялся конфликт, ... он составляет, как правило, ядро художественной проблематики, а способ и направленность его решения – ядро художественной идеи» [Литературный энциклопедический словарь 1987: 165].

В этой связи нам интересна искусствоведческая традиция анализа гендерного конфликта в литературе. Как отмечает Пушкарь Г. А., в литературе гендерные конфликты появились не сейчас, однако только к концу XX века представилась возможность получить информацию о гендерных конфликтах в произведениях самих женщин [Пушкарь 2007]. Мы отмечаем две, на наш взгляд, определяющие причины этого явления. Во-первых, изменение шкалы ценностей в литературе, искусстве, науке, предмет которых сместился с сугубо идеологических и политических, находящихся на виду явлений и процессов на скрытые от общественного обозрения структуры повседневности. В диссертационном исследовании на соискание ученой степени кандидата филологических наук Пушкарь Г. А. «Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект (на материале рассказов Т. Толстой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой)» говорит о том, что в произведениях современных авторов мы наблюдаем изменение взгляда на жизнь частного человека: то, что ранее казалось «мел-

котемьем», стало пониматься иначе – как основа жизни социума [Там же: 160]. Во-вторых, изменение облика героя-мужчины; мужчины, утратившего в современном обществе ореол единственного носителя социальной субъектности. «Такой герой нередко выглядит слабым, себялюбивым, нисколько не возражающим против высокого социального статуса женщины и нередко пользующийся им, снимающим с себя все заботы о семье» [Там же: 161].

По мнению Пушкарь, гендерный конфликт – конфликт прежде всего психологический, поэтому центральное место в современной женской прозе занимает конфликт гендерных ролей. Это, как правило, конфликт между героиней и героем в любовных отношениях, в семейной жизни, в производственной сфере. Гендерные конфликты между мужчиной и женщиной в любовных отношениях весьма многообразны и отображают многообразие ситуаций самой жизни. Это, во-первых, слабость и материальная несостоятельность. Во-вторых, мужская неверность. В-третьих, гендерный конфликт раскрывается на грани психической аномалии. В-четвертых, гендерный конфликт как физическое насилие отца по отношению к дочери. В-пятых, наиболее драматическим является гендерный конфликт между ролью матери и необходимостью для женщины быть и.о. мужчины. В-шестых, гендерное противостояние в мире подростков, отягощенное подростковой агрессией и гендерные конфликты подросткового характера в целом.

Имея возможность в диссертационном тексте рассмотреть гендерный конфликт в исторической ретроспективе, отмечаем, что в советской литературе гендерный конфликт завершается на оптимистической ноте. Здесь гендерный конфликт связан с конструированием образа «новой женщины» как конфликт нового со старым, отжившим. Но принципиальное значение для понимания перспектив разрешения гендерных конфликтов заключается в том, что они не просто могут быть разрешены, а обязательно будут разрешены. Однако в творчестве современных авторов ситуация меняется. Современный гендерный конфликт представлен как закон жизни. И такой, можно сказать, перманентный гендерный конфликт скрыт за внешне благополучным фасадом «семейного счастья».

Гендерный конфликт можно изучать и в рамках теории коммуникации. В данном случае гендерный конфликт мы представляем как феномен социальной реальности, конструированный средствами массовой коммуникации и для изучения которого можно воспользоваться, например, дискурсивно-аналитическим методом исследования. Основной задачей здесь выступает анализ текстов, т.е., понять тот набор идей и представлений, с помощью которого автор (журналист) объясняет и формирует (используя определенное средство массовой коммуникации) реальность. Однако на наш взгляд, такой анализ будет неполным, если не исследовать, как эти тексты воспринимаются аудиторией. Исследовать как, в частности, текстовые репрезентации воспринимаются читателями, как декодируются содержащиеся в тексте значения. Будут ли эти значения восприниматься как конфликтные, ведь сам факт осознания гендерного неравенства, которое рассматривается в гендерной конфликтологии как основа конфликтов, не означает, что оно всегда и всеми воспринимается с неудовлетворением. Многие авторы отмечают тот факт, что на уровне повседневности гендерное взаимодействие протекает без видимых всплесков противоречий [Балабанов 2005].

Тартаковская И.Н. провела дискурсивный анализ нескольких влиятельных российских периодических изданий на предмет содержания в них темы гендерного конфликта и затем предложила участникам фокус-групп оценить несколько таких текстов [Тартаковская 2003]. Исследование газетных текстов позволили сделать автору несколько выводов, основной из которых заключается в констатации кризиса гендерной системы современного российского общества. Причем, отмечает автор, как таковой гендерной системы сейчас просто нет, ее некому создавать и формировать. В отличие, например, от советского периода, когда такую важную функцию как формирование гендерной системы выполняло государство. «В современной ситуации, мужчины и женщины оказались предоставлены сами себе... Нет в прессе понимания нормативной «правильной» мужественности и женственности» [Там же: 90].

Первое обстоятельство, которое было выявлено в ходе работы «фокус-групп» связано с тем, что утраченное гендерное дискурсивное единство, свойственное советскому идеологическому пространству («правильное» изображение мужчин, женщин, детей, лучезарные портреты, счастливые семьи, сочетающие счастливый быт со служением государству) вызывает «некоторую ностальгию», как у старшей, так и молодой группы респондентов. Все высказались за необходимость единой системы моральных ценностей. Однако, что это за ценности, группы не могли определиться. Такая неопределенность, констатирует автор, свидетельствует о признаках «нормативного хаоса», возникшего в результате «ухода» государства из поля «гендерного нормотворчества». В итоге, в современном медийном пространстве доминируют красочные описания «ужасов», что, по мнению автора, свидетельствует о наличии глобального гендерного конфликта. И, что особенно важно, такое положение дел частично стимулируется коммерческими интересами привлечения читателей и зрителей «острыми сюжетами».

К сожалению, автор не определяет свою позицию о глобальном гендерном конфликте, тем не менее, не можем не согласиться с одним из главных выводов исследования относительно воспроизводства логики текстов в логике респондентов: восприятие информационных продуктов массовой коммуникации в значительной степени формирует и способ трактовки реципиентами социальных явлений, событий, фактов и т.д. Полагаем, что, в некоторых случаях, тезис о проявленности гендерного конфликта в современном российском обществе является по сути информационным продуктом, или скорее элементом УТП (уникальное торговое предложение), призванным поднять рейтинги того или иного средства массовой коммуникации или привлечь внимание к тому или иному товару, как, например, это происходит в рекламе. Неслучайно в преддверии

рии праздников «8-е марта» и «23-е февраля», активизируется иногда чрезвычайно агрессивная реклама сугубо «мужских» или «женских» товаров и услуг, где поднимаются темы противопоставления и/или доминирования полов.

Представленные пять подходов, с помощью которых современные исследователи изучают гендерные конфликты, конечно, не охватывают все многообразие исследовательских возможностей конфликтологии. Тем не менее каждый из них дает возможность создать целостное представление о гендерных конфликтах современного общества. Однако хотелось бы отметить необоснованную, на наш взгляд, не востребованность искусствоведческого подхода, который способен значительно обогатить науку о конфликтах в целом и гендерную конфликтологию в частности. Это не только представленность гендерной проблематики в художественной литературе, но и в живописи, музыке, фотографии, кино и других видах искусств.

Список литературы

- Андреева Н. И.** Гендерная культура в современном российском обществе // «Мужское» в традиционном и современном обществе. - М., 2003. - С. 12-14.
- Арбатова М.** В России права женщин нарушены по всем статьям: Интервью О. Трухан // Ставропольская правда. – 2004. – 10 июля.
- Балабанов С. С.** Гендерный срез отечественной науки // Социология. - 2005. - № 1. - С. 29-34.
- Бем С.** Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов / Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
- Валенцова М. М.** Оппозиция мужской / женский в славянской культуре // «Мужское» в традиционном и современном обществе. - М., 2003. - С. 21-23.
- Закирова В. М.** Выживет ли российская семья в условиях гендерного конфликта: развод и домашнее насилие как факторы деформации семейных отношений: региональный аспект // Электронный журнал «Полемика». - 2002. - Выпуск 14. - <http://www.irex.ru>
- Клецина И. С.** Гендерная идентичность и права человека: психологический аспект. Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире / Под ред. О. Ю. Малиновой и А. Ю. Сунгурова. – СПб.: Норма, 2005. - С. 167 – 184.
- Литературный энциклопедический словарь.** - М., 1987. - С. 165.
- Луков В. А., Кириллина В. Н.** Гендерный конфликт: система понятий // Гуманитарные науки: теория и методология. - 2005. - № 1. - С. 87.
- Пушкарь Г. А.** Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект (на материале рассказов Т. Толстой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой): Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Ставрополь, 2007.
- Тартаковская И. Н.** В «Ну, вот, мораль поменялась...»: медийный гендерный дискурс // Социологические исследования. - 2003. - № 2. - С. 87-96.
- Цой Л. Н.** Практическая конфликтология. - М., 2001. - Книга первая.
www.gender-az.org

ЗАВОЛЖСКИЙ ТЫЛ СТАЛИНГРАДА: ЗНАЧЕНИЕ ЛЕВОГО БЕРЕГА ВОЛГИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Опалев М. Н.

*Волжский политехнический институт
- филиал Волгоградского государственного технического университета*

В настоящее время на территории, носящей в географической и исторической литературе название «Заволжье», «Левобережье Нижней Волги» расположен ряд районов двух областей – Астраханской и Волгоградской.

С 1936 г., с момента образования Сталинградской области (включавшей в себя до 1944 г. и астраханские земли) за Волгой располагалось 10 её районов: Быковский, Кайсацкий, Николаевский, Ленинский, Среднеахтубинский, Краснослободский, Пролейский (райцентр – с. Луговая Пролейка), Эльтонский (центр – с. Житкур), Владимировский (ныне Ахтубинский), Харабалинский районы [Районы Сталинградского края 1936: 4-5, 6-7, 16-17, 24-27, 33, 38, 42-43, 46, 49]. Суровый засушливый климат, ровная, как стол, полынная полупустыня с группой соленых озер обусловили с XVII в. специфику размещения славянского населения в этом крае. Практически все русские и украинские населенные пункты размещались в пойме Волги и на берегах её проток, таких, как р. Ахтуба. Эти села и хутора строились под крутыми обрывами коренных берегов и в окружении прибрежных дубовых и тополевых рощ с целью смягчить воздействие знойных или морозных иссушающих ветров.

По Всесоюзной переписи 1939 г. на левобережье Нижней Волги, на пространстве в 36 тыс. кв. км проживало 267 287 человек в 2414 населенных пунктах, что составляло 19,15% от всего сельского населения Сталинградской области. Численно преобладало славянское население, однако бок о бок с ними жили представители многих других национальностей [Группировка населенных ... 1939: Ф. 686, Оп. 5, Д. 79, Л. 1-6].

Господствующей отраслью народного хозяйства на Левобережье вплоть до постройки в 1961 г. Сталинградской ГЭС и индустриального г. Волжский являлось сельское хозяйство: выращивание высококаче-